

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Гобзев

Модель ХХХ

Иван Александрович Гобзев

Модель ХХХ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40738164

SelfPub; 2020

Аннотация

Молодой преподаватель этики влюбляется в начальницу. Всё бы ничего, но начальница робот. На взаимность вряд ли приходится рассчитывать. Студентки грезят о нём, но он одержим мечтами о ней. Можно было бы назвать эту историю производственной драмой – о том, как служебный роман рушит карьеру. Но, на самом деле это драма о поисках самого себя в мире условностей и междометий. Содержит нецензурную брань.

Я в кабинете у ректора. Большие светлые окна выходят на улицу. Там осень осыпается листьями, красными, жёлтыми, серебряными. Ещё только двенадцать часов, а я уже устал работать. Внизу, у входа в институт, воркуют студенты.

Егор Мотельевич сидит за столом и говорит по мобильнику. Он мне делает знак рукой: подожди. В кабинете большой кожаный диван с подлокотниками из красного дерева. На столе бутылка тёмного виски, она сверкает, как драгоценный камень. Пахнет сигарами.

– Мария Петровна, может, зайдёте? – говорит он. – Как зачем? Нет, отчёты мне ваши на хрен не нужны.

Видимо, Мария Петровна отключилась, потому что ректор, с недоумением покачав головой, кладёт мобильник на стол.

– Никакого уважения к начальству, – бормочет он и задумчиво смотрит на меня.

– Егор Мотельевич, – это уже я говорю, – вы меня вызывали?

– Да-да. Только вот забыл зачем.

Он некоторое время пытается вспомнить, закуривает, наливает виски в квадратный стакан.

– Не помню, – сдаётся он. – Иди.

Я выхожу, но у дверей он меня окликает.

– Кстати, Иван! С женщинами всегда надо говорить прямо. Сразу к делу. Слышал, как я сейчас с Марией Петровной?

Я сдержано киваю.

– Вот так надо. Чтобы понятно было, кто в доме хозяин.

Мария Петровна – заместитель ректора. Но её назначил не Егор Мотельевич, её прислали из Министерства в рамках программы оптимизации административного управления. Теперь повсюду так.

Она безумного красива. Высокая, стройная, в строгом костюме. Волосы зачёсаны назад и собраны в хвост, в ушах массивные золотые кольца. Кожа загорелая, губы большие и сочные.

Только она робот. Мощный искусственный интеллект, заключённый в человекоподобную оболочку – чтобы люди рядом с ней чувствовали себя комфортно. Хотя она вся из искусственных материалов и никакой органики: сплавы металлов, микросхемы, электроника, пластик, кожнозамениватель. Но выглядит как человек, не придерёшься. Говорят, у них кожа даже на ощупь как настоящая.

Я спускаюсь по лестнице и прохожу мимо её кабинета. За стеклянной дверью я вижу её. Она сидит за столом, сдвинув коленки и быстро что-то печатает. Она в очках, и она моргает. Боже, – думаю я, – это-то зачем? Это же перебор, ну зачем ей очки? И оттого, что она моргает мне наоборот дискомфортно, потому что я прекрасно знаю, что глаза у неё

стеклянные.

Тут она складывает губы трубочкой, втягивает их в себя и потом выпускает в виде поцелуя.

– Ё-моё! – невольно говорю я. Она поднимает голову и видит меня. Я поспешно ухожу.

Она меня притягивает. Именно потому что она так правдоподобно имитирует человека. Я часто останавливаюсь у стеклянной двери и смотрю как она работает, до тех пор, пока она не замечает меня. Я не боюсь её смутить, потому что она робот и не знает что-то такое смущение. Но сам я, как это ни глупо, смущаюсь.

Слышал сегодня такое:

– Егор Мотельевич, – это она говорит по телефону, – хочу вас предупредить, что если вы ещё раз позволите себе подобное предложение, то я вынуждена буду написать жалобу в Министерство...

Я злюсь. Какая тебе разница, сука, – думаю я, – ты же не настоящая! Тебе же всё равно! Она поднимает на меня свои стеклянные глаза и снимает очки. Как бы даёт понять, что моё присутствие вызывает у неё вопросы.

– Иван, ты мне как сын! – Ректор едва сдерживается, чтобы не обнять меня. Он даже делает порыв в мою сторону, но его что-то останавливает. Я думаю, дело в том, что я ему всё-таки не сын.

Вместо объятий он хлопает меня по плечу и уходит, пошатываясь. Сегодня он выпил особенно много.

У лестницы он останавливается:

– Блин, я не это хотел тебе сказать!

– Да, Егор Мотельевич? – с готовностью говорю я.

– Если эта сука будет наезжать, сразу ко мне! Пока я тут главный.

– Конечно!

Он ступает на лестницу, хватается за перила и съезжает на пол. Со второй попытки ему удаётся подняться к себе в кабинет.

Егор Мотельевич каждый день пьяный. Но дело он знает – лучшего руководителя я ещё не встречал. Под его контролем всё четко, все работают. Кроме меня. Я, хотя и числюсь тут заведующим аспирантурой, да ещё и преподаю этику, на самом деле я не делаю ничего.

Я прихожу к девяти. Поднимаюсь в свой кабинет по другой лестнице (хотя наши с ректором кабинеты в одном корпусе, перейти можно только через двор), сажусь за стол,

включаю компьютер. На столе у меня всегда кипа бумаг, но она лежит нетронутой уже целый год – с тех самых пор, как я приступил к обязанностям.

В кабинете ужасно накурено, запах не выветривается никогда, даже если на всю ночь оставлять окна открытыми. Я зову секретаршу Анечку, прошу сделать кофе. Когда она его приносит, я вдыхаю аромат, делаю несколько больших, сочных глотков, и наконец закурываю. Я пускаю дым в потолок, потягивая кофе. Так проходит мой день до обеда. После обеда он проходит так же, за исключением того, что я покупаю в магазинчике напротив пиво.

Анечке девятнадцать, она совмещает работу секретаршей с учёбой. Она студентка нашего вуза. Я с ней каждый день занимаюсь сексом на моём рабочем столе. Ректор знает об этом. Думаю, если бы я не делал этого, то он бы меня уволил.

Однажды он поймал меня во дворе, пока я курил там не перемене.

– Ты трахаешь Аньку? – резко так спросил он, без здравств и всё такое.

Я испугался. Ну, думаю, попал. Ни дай бог залетела.

Я опустил глаза и неопределённо покачал головой.

– Ну?! – повысил голос он.

Врать тут бесполезно.

– Да, – тихо ответил я, трагическим таким тоном, чтобы он понял, что я ужасно сожалею.

– Молодец! – он хлопнул меня по плечу. – Так и надо! Я,

правда, люблю постарше. Ну да я и сам постарше. А? Верно говорю?

– Все так, Егор Мотельевич, – киваю я.

Иногда у меня бывают лекции и семинары. Их не пропустишь, надо ходить. Что же поделывать, я являюсь на занятие, положенное время несу всякую чушь, потом ухожу. Но студентам нравится.

Время от времени у меня случаются романы со студентками. Но я сам никогда не выступаю инициатором таких отношений. Только если студентка проявит инициативу, то я могу пойти навстречу. Причём тут я руководствуюсь наставлениями Егора Мотельевича – студентка должна быть красивая и не замороченная.

Порой заглядывает мой друг декан факультета психологии. Мы с ним пьем коньяк, виски, текилу, пáрим бокс-моды и курим сигары, говорим о литературе и кино. Дым стоит в кабинете такой, что посетители вынуждены развеивать его руками, перед тем как найти меня.

Бывает, заходит и ректор.

– Так, – кричит он, врываясь, – что здесь происходит?!

Бухаете на рабочем месте?!

Мы быстро убираем бутылки под стол, бросаем окурки в форточку и промахиваемся. Но рюмки-то на столе.

– Ладно, наливайте! – говорит он, и грозит нам пальцем: – Ууу, раздолбаи!

Выпивает, закуривает, рассказывает какой-нибудь анекдот, и разгоняет нас. Мой друг идёт к себе, а я остаюсь в хмельном тумане и дыму.

На прощание ректор снова грозит:

– Иван, думаешь, я не знаю, что ты здесь ни хера не делаешь? Тебе просто повезло, что я хорошо к тебе отношусь.

– Иван, спустись! Тут по делу аспирантуры пришли, – это мне ректор звонит со двора.

Я спускаюсь, вижу – Егор Мотельевич курит, рядом с ним пожилая женщина. Они оба смотрят на меня с удивлением. Я догадываюсь почему. Дело в том, что в моем кабинете жарко и я снимаю верхнюю одежду вплоть до майки-алкоголички. Она у меня чёрная такая, как пиратский флаг и в то же время выгоревшая на солнце, поэтому напоминает ещё и половую тряпку. В области подмышек она неожиданно белеет – это потому что я пользуюсь антиперспирантом.

Егор Мотельевич оправляется от удивления первым и говорит:

– Вот, Иван Алексеевич, наш заведующий аспирантурой, – при этом он так на меня глядит, что ясно – когда женщина уйдёт, мне конец.

У женщины очень брезгливое выражение лица. На нём как бы написано – и этот юноша в алкоголичке заведующий аспирантурой?

В общем, мы с ней говорим о делах, она хочет устроить своего сына в аспирантуру, чтобы его не забрали в армию. Цена обучения высока, но она готова, лишь бы были гарантии.

– Не переживайте, – говорит Егор Мотельевич, – у нас здесь очень серьёзное заведение!

Говорит он почему-то в сторону. До меня доходит, что он просто не хочет дышать в её сторону перегаром.

Она уходит.

– Ты совсем охренел?! – резко говорит он мне. Меня обдает волна тошнотворного запаха.

– А что? – я делаю вид, что не понимаю.

– Что это за вид у тебя? Ты почему не в трусах вышел? Ты же лицо аспирантуры!

Я виновато опускаю глаза.

– Извините, Егор Мотельевич. Забылся. Больше не повторится.

Он качает головой, закуривает и уходит.

Мария Петровна вызвала меня к себе. Я очень волнуюсь. Только она позвонила и сказала, чтобы я зашёл, как меня охватила дикая, безумная тревога. Я стал ужасно нервничать, вскочил и несколько раз обежал кабинет, выкурив за это время пять сигарет. Хотя повода нервничать не было. Видимо, виноват абстинентный синдром – с бодуна любого повода достаточно, что сдали нервы.

Чуть успокоившись, я бегу в туалет, чтобы привести себя в порядок. Я становлюсь у зеркала. Не брит. Ладно, мочу руки, приглаживаю волосы, прополаскиваю рот. Распрямляю плечи, чуть приподнимаю голову и делаю умный взгляд.

Тут я думаю: «Иван, ты чего вообще творишь? Она же робот!» Мне становится стыдно, и я иду к ней.

Захожу. Она сидит за столом и что-то быстро печатает. В этот раз без очков. Забыла? Но как робот может забыть?

– Садитесь, – говорит она.

Я сажусь, она продолжает смотреть в компьютер. Мне становится неловко и неуютно рядом с ней. В кабинете идеальный порядок, сама она тоже выглядит идеально. А я в сбитых кроссовках, потёртых джинсах, висящих на коленках и жопе, свитере в катышках.

– Так, простите, что заставила ждать, – говорит она и надевает очки. Затем откидывается на спинку кресла и берёт кончик карандаша в рот.

Я невольно округляю глаза и делаю так: «Пффф!»

– В чём дело? – спрашивает она.

– Послушайте, я вообще-то в курсе, что вам не нужны очки... И этот карандаш. Зачем?

– Вам так комфортнее. Я имитирую поведение человека, чтобы люди чувствовали себя естественно.

– Ну, не знаю. Я наоборот чувствую себя неестественно... Я считаю, никто ничего не должен...

– Ладно, к делу, – она меня перебивает. – Поступила жалоба, что вы прямо на семинаре пили пиво.

Я краснею. Чёрт, это правда. Был такой случай недавно. Но там и ребята сами пили, со второго высшего, и мне предложили...

– Это наглая ложь, – говорю я. – Вы вообще как себе это представляете? Чтобы преподаватель пил со студентами?

– Сама удивляюсь, – спокойно говорит Мария Петровна, несколько не удивляясь. – Но вот, жалоба есть.

– Егор Мотельевич в курсе? – спрашиваю я. Мне не хочется, чтобы он узнал. Это уже перебор. Даже он себе при студентах не позволяет.

– Пока нет.

Она задумчиво смотрит на меня. Я представляю, как в это время процессоры в её голове производят сложнейшие вычисления в поисках наиболее рационального решения.

– Давайте так, – говорит она. – Я пока не стану ему сообщать. Но с вами договоримся, что жалоб такого рода больше не будет.

– Конечно, не будет! Это же какое-то недоразумение.
Я выхожу с неприятным чувством.

Однажды перед парой стою я во дворе, курю. Вокруг студенты. У меня курс для второго высшего, ученики почти мои ровесники. И вот я курю, они тоже курят. А там с ними одна девушка, новенькая. Они ей и говорят шёпотом:

– Смотри, вон наш препод!

Она в ответ громко:

– Этот-то? Да бросьте меня разводите!

Я в сторонку отошёл, делаю вид, что не слышу. А она смотрит прямо на меня с такой открытой улыбкой, выдувает струи дыма в мою сторону.

– Он ничего! – говорит она. – Симпатичный! Однокурсник наш?

– Да нет, говорим же тебе, препод.

– Ой, да ладно, я на идиотку похожа? Вы сговорились! Вон как подыгрывает вам, в уголок жмётся!

И тут она подходит ко мне, протягивает руку и говорит:

– Всё, мне надоело. Привет. Я Маша. А ты кто?

Я руку её пожимаю и честно отвечаю:

– Иван Алексеевич.

Она замерла со своей рукой в моей. Рука теплая, влажная. Поверх её головы я вижу в окне затемнённый силуэт Марии

Петровны, она смотрит прямо на нас. Но мне всё равно, я чувствую начало интересной истории.

Я очень хочу, чтобы Мария Петровна считала меня классным, а не жалким. Не знаю почему, но мне очень этого хочется. Хотя я и понимаю до чего это глупо – она не считает меня ни класнным, ни жалким. Просто потому что она робот. Но и фиг с ней.

Хочу кое в чём признаться. Это уж, конечно, эксгибиционизм. Но дело было так.

Однажды я сидел в своём кабинете, курил, пил кофе, читал с экрана Борхеса. Тут открывается дверь и заглядывает Мария Петровна. Она показывается наполовину, так что я вижу только правое бедро в натянутой юбке, половину тугой груди под белой рубашкой и лицо.

– Ванечка, – говорит она, – не видели Ивана Ильича?

Иван Ильич – это мой тёзка, друг и декан факультета психологии.

– Нет, – оторопев, отвечаю я.

Оторопев – потому что это вот «Ванечка». С чего вдруг? Зачем она назвала меня Ванечкой?

И тут я чувствую сильнейшее сексуальное возбуждение. Оно как бы накатывает на меня волной, подхватывает и переворачивает вверх ногами. Я не могу больше сидеть, вска-

киваю и выбегаю.

Секретарша видит меня: такой мой взгляд ей уже знаком.

– Дверь закройте, – поднимается она.

– Нет-нет, – отвечаю я, и бегу вниз.

– Здравствуйте, – говорят мне встречные студенты.

– Да-да, – бормочу я.

Ярываюсь в туалет, прохожу в кабинку, запираюсь и...

И кто бы мог подумать?! Занимаюсь онанизмом! Да, я стою, уставившись безумными остекленевшими глазами в кафель, и яростно делаю это странное дело, но внутренним взором я вижу её – Марию Петровну.

Тут в кабинку заходят, и я слышу женские голоса. Черт, я перепутал двери в спешке! Я замираю и слушаю разговор студенток.

– Как тебе препод наш?

– Какой?

– Ну этот, симпатичный.

– А, неухоженный такой, как бродяжка? В этой своей ужасной майке?

– Да-да, он.

– Иван Алексеевич!

Я вздрогнул, как будто они меня обнаружили и зовут. Но нет.

– Точно! Ванюша... Ванюта... Ванюлечка... Стоит такой, рассказывает нам какой-то бред. А мне так хочется подойти и обнять его!

– Да, он такой киска.

Студентки уходят. Я весь красный от напряжения. Боже, думаю я, что же это происходит! Вокруг столько прекрасных девушек, которые просто жаждут общения со мной, а я – преподаватель этики! – стою в женском туалете и дрожу на работа.

С Машей (той самой, что приняла меня вначале за студента) мы стали играть в гляделки. Это такая очень интересная игра, которая возможна только в том случае, если оба участника друг другу интересны.

На перемене студенты выходят во двор покурить. Они собираются в стайки, и весело болтают о чём-то. Я тоже выхожу в надежде увидеть Машу. Но я не встаю с ними, я прохожу вглубь двора, где удобные лакированные скамейки, и сажусь. По пути к скамейкам я не смотрю по сторонам, как будто мне дела нет ни до кого.

Я не торопясь закуриваю, откидываюсь на спинку, вытягиваю ноги и выпускаю струю дыма в небо. Мне кажется, что я просто прекрасен – такой молодой, красивый, вальяжный на этой скамейке. И уже тогда я начинаю смотреть на Машу. Я нахожу её в толпе и больше не свожу с неё своих глаз. Я чувствую по её реакции, что так можно делать – она отвечает мне взаимностью и тоже смотрит на меня, почти всё время,

пока идёт перемена, лишь изредка отрываясь, чтобы перекинутся парой слов с однокурсниками и красиво улыбнуться. Улыбнуться – как я хорошо понимаю – исключительно для меня.

Бывает, я тоже улыбаюсь, прямо ей в глаза, в надежде потрясти её моим обаянием.

Иногда, чтобы заставить её ревновать, я начинаю беседу с какой-нибудь другой привлекательной студенткой. Много смеюсь, шучу и всё такое. Хотя не уверен, что она ревнует.

Потом звенит звонок, и студенты уходят.

Кстати, когда она стоит одна, я не подхожу к ней, а просто гляжу. И она тоже не подходит, наверное, стесняется.

Что-то мне подсказывает в глубине души, что Маша у меня в кармане.

Я помню из детства один эпизод, который, похоже, навсегда останется со мной. В своих мыслях я постоянно к нему возвращаюсь. Это случилось, когда в ООН Искусственный интеллект уравнивали с человеческим разумом. С этого момента любое использование роботов в личных целях рассматривали как уголовное преступление.

Мы с мамой шли по холодной осенней улице. Падал снег. Вдруг из-за угла выбежали люди с молотками, дрелями и ломками и напали на прохожего. Они опрокинули его на ас-

фальт и стали бить.

Мы с мамой в страхе остановились в нескольких шагах перед ними. Я видел, как из его искорёженной головы вылетают осколки микросхем, а стеклянный глаз повис на разноцветных проводках. Робот дергал руками, ногами и головой, но совсем не как человек. Он не пытался защищаться, а только вот так вот нелепо дергался.

– На, на, сука! – кричали мужики, сверля его, рубя, и протыкая.

Наконец один из них с размаху воткнул ему в живот лом. Хрустнул позвоночник и робот замер.

– Ещё одного вырубил! – радостно закричали они.

Потом внимательно посмотрели на нас и тот, который с ломом, добродушно так, по-отцовски, сказал:

– Паренёк, это ради твоего будущего, понимаешь?

Я кивнул. И они пошли дальше, искать других роботов.

Мария Петровна опять вызывала меня! Ну что докопалась, что ей надо? Было как раз время после обеда и я с кофе перешёл на кальвадос. Выпил с моим другом деканом только рюмки четыре. И тут звонок:

– Иван Алексеевич! Зайдите!

Я встал. Ладно, думаю, сейчас разберусь. Алкоголь придаёт уверенности и дерзости.

– Налей на посошок, – говорю другу. – Я скоро.

– Давай, давай, – хихикает он под очками, – удачи!

Я захожу к ней решительно, и без всякого приветствия говорю с порога:

– В чём дело?

Эта сука надевает очки и презрительно (презрительно!) оглядывает меня с ног до головы. Потом приглашает:

– Садитесь!

Я стремительно приближаюсь и сажусь:

– Ну?

– Иван Алексеевич, мы с вами работаем в серьёзном учреждении. Вы думали о том, что своим видом, поведением мы подаём пример молодому поколению?

– Давайте ближе к делу, – резко говорю я, хотя и понял уже, к чему она клонит.

– Ближе? Хорошо. Вы одеты как бомж. Ваши джинсы рваные и грязные. На кроссовки страшно смотреть. А майка? Что это за майка? Она, если я ошибаюсь, поправьте, называется «алкоголи́к»?

– Алкоголичка, – поправляю я.

– Очень символично!

– На что вы намекаете?

– На то, что от вас пахнет перегаром!

Я нервно дёргаюсь:

– Это уже слишком! Вы не можете этого чувствовать! У вас нет обоняния, вы робот! Или вы меня за идиота прини-

маете?

– Вы правы, обоняния нет. Зато по вашему виду я легко могу определить, что вы уже выпили сегодня чего-то крепкого. Водка? Коньяк? Или?..

– Вы ошибаетесь! – возмущился я. – Ничего я не пил! На рабочем что ли месте? Как вы смеете?!

– Почему вы покраснели?

Она опять сверлит меня своими глазами-камерами. Кажется, что они, как суперчувствительные объективы, подмечают малейшие изменения во мне.

– Не ваше дело, – отвечаю я. – И вообще, Егора Мотельевича всё устраивает. А насколько мне известно, он здесь главный, а не вы.

Она молчит. Чёрт, это её молчание ужасно нервирует меня. Она что-то вычисляет. Наиболее эффективную реакцию в данной ситуации. Но сейчас особенно долго. Она прямо застыла, смотрит на меня неотрывно, и ровно раз в пять секунд моргает. В такие моменты сразу видно кто есть кто: кто человек, а кто робот. Мне становится страшно – а если её заклинило и она сломалась? Произошёл сбой, короткое замыкание, и теперь она может повести себя не рационально. Например, прыгнуть на меня и задушить в титановых объятиях.

– Эй! – говорю я, чуть подавшись вперёд и помахивая рукой перед её глазами.

– Вы совсем что ли? – спрашивает она. – Вы что себе поз-

воляете?

– Извините, – смущаюсь я.

– Ладно, – улыбается она.

И добавляет:

– Иди.

Боже мой, эта улыбка и это вот «иди» совершенно сбивают меня с толку! Почему она перешла на «ты»? Я ничего не понимаю. Я выхожу от неё очень возбуждённый и с безумными глазами бегу вниз. В паху лёгкая боль, тело в мурашках.

Я врываюсь в туалет, забегаю в кабинку и вижу над сливным бачком приклеенное объявление:

– Уважамы припадаватили! Убедителна просьба в туалети не драчить!

Я мигом вылетаю и испуганно оглядываюсь. Никого нет.

Поднимаюсь к себе, заходя в кабинет, говорю:

– Анечка, загляни ко мне.

Как-то у нас накрывали стол. По какому-то поводу, я уже не помню, может и без повода. И мой друг, декан психологического факультета, принёс большую банку красной икры, где-то на полкилограмма.

– Ммм, – говорю я, – люблю, кстати, красную, икру. Хорошая?

– Ещё бы, – отвечает друг, – чавыча! Попробуй.

И даёт мне ложку.

Ну, я взял банку, ложку, встал у косого окна, выходящего через крышу прямо во двор, и стал пробовать. Боже, а там снаружи какая красота! Осень разноцветная, небо в холодных голубых прогалинах, обрамлённых серой пеной облаков. Студенты, взъерошенные точно воробьи, жмутся в кучки и как будто клюют что-то, а на самом деле просто курят. И доносится едва слышно их нежное щебетание: «бля-бля-бля, бля-бля-бля...» И, как это бывает иногда, когда неким внутренним зрением ты вдруг видишь подлинную основу мира, он преображается и расцветает для тебя чудесными красками...

– Иван, а ты чего, – слышу я голос друга, – всю икру что ли сожрал?

Смотрю, и в самом деле – сожрал, всю. А стол уже почти накрыт.

– Извините, – потупился я, – задумался.

Периодически у нас проходит учёный совет, на котором руководители подразделений отчитываются в проделанной работе.

И вот, через год после моего вступления в должность пришла пора отчитываться и мне. А я, признаться, очень упростил процесс работы в аспирантуре. От предыдущего начальника осталась кипа бумаг, в которые я совершенно не хотел вникать. Я на них даже ни разу не взглянул. Они так и пролежали весь год на столе, покрывшись пеплом и отпечатками чашек с кофе.

На учёном совете, когда настала моя очередь, я вышел и встал за кафедру. Почему-то я был в майке, джинсах и кроссовках, хотя все остальные сидели в костюмах. Кого-то это возмутило, коллеги стали шептать друг другу в ухо: посмотрите, типа, на этого.

Ректор меня представил.

– Иван Алексеевич, ну, расскажите нам, пожалуйста, о том, как обстоят дела в возглавляемой вами аспирантуре.

Честно говоря, к выступлению я не готовился. Не имея нужного опыта, я совершенно не знал, что в таких случаях говорят. Поэтому я просто сказал:

– Дела в аспирантуре обстоят отлично.

И замолчал, глядя в зал. Зал тоже молчал, молчал и президиум во главе с ректором. Через минуту, когда стало ясно, что я не собираюсь продолжать, ректор обернулся ко мне, и спросил:

– Иван, это всё?

– Да, всё, – кивнул я.

Егор Мотельевич после этого случая говорил:

– У всех бы так, как в аспирантуре!

Роботов стали делать похожими на людей, чтобы люди чувствовали себя с ними комфортно. Хотя многие правозащитники были против. Каждый, говорили они, должен выглядеть согласно своей природе. А их природа это пластик, сплавы и кремний. Так что пусть они и выглядят, как компьютеры.

Но всё же их не послушались. Потому что имелись серьёзные экономические интересы: огромный спрос на искусственных друзей. Люди готовы были платить любые деньги, чтобы купить человекоподобного робота. Спрос определяет предложение, причём речь шла о самом выгодном производстве за всю историю промышленности, поэтому правозащитников проигнорировали.

По сути, первые роботы были рабами, чаще всего сексуальными. Производители быстро поняли, что нужно рядовому потребителю и стали создавать идеальные секс-машины. Конечно, продукты очень различались по цене. Она зависела от качества материалов, сложности нейронной сети и её способности к самообучению. Дешевые модели часто ломались и имели короткую гарантию. Запросто могла порваться некачественная кожа, сломаться конечность, перегореть контакт или повредиться софт. В последнем случае робота

часто заклинивало и он совершал одни и те действия, как человек с тиком. Или ещё хуже: повторял до бесконечности одну и ту же фразу, пока не приезжали мастера, чтобы вырубить его.

Но дорогие модели делали совершенными. Они были так продуманы, так умелы, так предугадывали любое желание клиента, что пользовались спросом намного большим, чем обычные люди. Появились даже публичные дома, где услуги оказывали только роботы.

И тут правозащитники добились своего (кстати, один мой школьный товарищ был в числе активистов). Они убедили наконец правительства государств в том, что роботы ничем не уступают людям в интеллектуальном плане, и даже превосходят их. Да, у них нет эмоций. Ну и что?

С тех пор люди и роботы равны. За принуждение работа можно получить реальный срок. Формулировка там какая-то такая: «половая связь с носителем искусственного интеллекта против желания последнего карается...» и так далее, и так далее – перечисляются все возможные формы дискриминации.

Это, конечно, чушь: «...против желания последнего...» У них нет никаких желаний, они же роботы.

Бывшие секс-модели перепрограммировали и внедрили в общество. Я слышал, что они пользуются очень большим спросом в организациях в качестве руководителей подразделений. Их мощный интеллект в сочетании с опытом обще-

ния с мужчинами даёт поразительные результаты. Они особенно эффективны.

Был случай много лет назад. Ощущение праздника. Тёмный южный вечер, хотя ещё не поздно. Мы с приятелем мчимся по узким улочкам, освещённым только тусклым светом окон. Все спешат на побережье. Оттуда доносится музыка, там открытые морскому ветру кафе, там вкусные запахи, и, наконец, там танцуют обалденные загорелые девушки.

Нам так нравились эти кафе, что мы первые несколько дней не могли дойти до моря. Только видели из кафе.

И вот мы спешим на побережье. Его золотые огни манят нас, обещаая радость и веселье. Мы несёмся.

И тут в тёмном переулке меня хватает за руку дама. Интересная такая, но выпившая уже.

– Икс-икс-икс! – кричит она. – Икс-икс-икс! Вот ты где? А я тебя обыскала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.